

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-И-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
------------------	---

SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.</i> 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBERG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

“УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2).
ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК
НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.

Прежде чем начать, необходимо сказать несколько слов о терминах, которые будут использованы в данной статье. Речь в ней пойдет об *устных* высказываниях, включенных в письменный текст (точнее, в судебный документ) в виде *прямой речи* с сохранением ее формальных признаков, в частности первого лица единственного и множественного числа. Таким образом, мы будем говорить о речи, сама форма записи которой призвана подчеркнуть, что перед нами – *собственные* слова говорящего, оставленные при записи без каких бы то ни было изменений¹.

Отношение к подобным “вставкам” в текст исторического источника, тем более судебного документа, в историографии западного Средневековья до конца не определилось. Сложность, на мой взгляд, заключается в том, что специалисты по истории права до сих пор во многом следуют теории “неполной дискурсивности” Мишеля Фуко, полагавшего, что любой судебный процесс возможно описать при помощи всего двух взаимосвязанных дискурсов – языка права и языка психиатрии. Что до языка обвиняемого (его устных показаний, зафиксированных в протоколе), то его изучение, с точки зрения французского философа, вовсе не обязательно, ибо этот язык *уничтожается* в ходе процесса, автоматически включаясь в дискурс обвинителя².

Подход М. Фуко к изучению и оценке судебных документов разделяли, однако, не все исследователи. Его, в частности, критиковал Ролан Барт, писавший о “мифе о прозрачности и всеобщности языка”, якобы позволяющем “перенестись в мир обвиняемого” и таким образом подвести его под ту или иную категорию виновности: «Такой “общечеловеческий” язык безупречно сопрягается с психологией господ; она позволяет всякий раз рассматривать другого человека как объект, одновременно описывая его и осуждая»³.

Идею Барта о несводимости дискурса судей и дискурса обвиняемых к единому знаменателю поддерживал и Жорж Батай. Впрочем, в значительной большей степени его интересовала степень правдивости судебных протоколов (к какой бы исторической эпохе они ни относились), которые он рассматривал как *стенограмму* заседаний и призывал на этом основании полностью им доверять. Именно с таких позиций Батай оценивал опубликованные им материалы процесса, состоявшегося в 1440 г. над маршалом Франции Жилем де Ре⁴, во

многом следуя здесь выводам, за несколько десятилетий до него сформулированным Соломоном Рейнахом⁵.

Против теории М. Фуко выступал и Карло Гинзбург, также исходивший из признания разного характера дискурсов преступников и их судей: “Между вопросами обвинителей и ответами обвиняемых все время наблюдалась какая-то нестыковка... и именно через эту трещину открывался проход к глубинному слою ничем не потревоженных народных верований”⁶. Впрочем, итальянский историк был далек и от признания материалов средневековых процессов стенографической записью происходившего, подчеркивая прежде всего сложность восприятия для современного человека документов прошлого, многоэтапность их составления и особую роль судебных писцов⁷.

Проблема, однако, заключается в том, что ни один из упомянутых выше исследователей никогда специально не рассматривал вопрос о “вставках” прямой речи в материалах судебных дел. Ж. Батай и К. Гинзбург в своем заочном споре о степени достоверности дошедших до нас показаний средневековых обвиняемых никогда не разделяли их на записанные в форме прямой и косвенной речи.

Отчасти отсутствие не просто дискуссии по данному вопросу, но хотя бы постановки проблемы объясняется сравнительно редким присутствием “прямых” высказываний в текстах судебных документов. Они, безусловно, имелись в материалах ежедневных допросов, которые, однако, не носили официального характера и предназначались для внутреннего пользования. Что касается *официальных* судебных документов, способных стать достоянием относительно большого числа людей, то в них прямую речь участников найти практически невозможно.

И все же, если речь шла об *образцовых* делах – о документах, в которых излагался ход процесса и окончательный приговор, вынесенный в отношении какого-то “особенного” обвиняемого, – судьи довольно охотно использовали в своих записях прямые высказывания сторон. Цель, которую они при этом преследовали, была, очевидно, двоякой. Либо тщательный разбор какого-то конкретного преступления мог стать примером для последующего судопроизводства, как это случилось, в частности, с первыми сборниками уголовных дел, составленными в Париже в XIV в.⁸ Либо личность обвиняемого заслуживала особого внимания, а потому решение суда имело “государственное” значение, как это было с такими известными людьми, как Робер д’Артуа⁹, Жиль де Ре¹⁰, Жак Кёр¹¹, Жан и Рене д’Алансон¹². К этой, второй категории уголовных дел относился, безусловно, и процесс Жанны д’Арк 1431 г. – “лидер” по количеству прямой речи, оставленной в протоколах допросов¹³. Именно он и будет находиться в центре моего внимания.

* * *

Процесс Жанны д'Арк важен и интересен для нас прежде всего с источниковедческой точки зрения. Дело в том, что от него (и это действительно редкий случай в средневековой судебной практике) сохранился не только официальный текст, переведенный на латынь и предназначенный для рассылки всем заинтересованным лицам (герцогу Бедфорду, Генриху VI, герцогу Бургундскому и другим европейским правителям). От процесса Жанны сохранилась также "минута" – французский *черновик* допросов обвиняемой, составлявшийся ежедневно вечером писцами Гийомом Маншоном, Гийомом Колем и Николя Такелем в присутствии епископа Кошона и некоторых других судей¹⁴. Сравнение двух этих документов позволяет, во-первых, выяснить, что из материалов предварительных допросов вошло в окончательный текст (а что было удалено), а во-вторых, понять, какие именно из ответов Жанны д'Арк были записаны изначально в виде прямой речи, а какие нет. И, соответственно, поставить вопрос о том, с какой целью эти ответы были зафиксированы именно в такой форме и были ли это на самом деле собственные слова Жанны, сохраненные в тексте без изменения.

Эти вопросы представляются мне далеко не праздными. В специальной литературе еще со времен Режин Перну закрепились твердая уверенность в том, что сказанное Жанной д'Арк на суде отражало ее *собственные* взгляды на происходившие с ней события и на историю Франции в целом¹⁵. С точки зрения подавляющего большинства исследователей, в показаниях Жанны раскрывается прежде всего ее *личность*, ибо достоверность и значимость сказанного ею принимается ими практически безоговорочно. Ее ответы в суде оцениваются прежде всего с точки зрения ее манеры вести себя, противостоять давлению обвинителей, отстаивать собственные взгляды – и ее высказывания, оставленные в протоколе в форме прямой речи, по мнению исследователей, служат именно этой цели¹⁶. Однако содержанию этих "вставок" в литературе уделялось, на мой взгляд, недостаточно внимания.

Насколько мне известно, на сегодняшний день существует всего одна работа, в которой проблема использования прямой речи в материалах процесса 1431 г. поднималась специально. В своей статье, посвященной обращениям "ты" и "вы" в источниках по эпопее Жанны д'Арк, Франсуаза Мишо-Фрежавиль затрагивала этот сюжет, отмечая, что для современного исследователя не имеет большого значения, в какой форме – прямой или косвенной речи – были в данном случае записаны показания¹⁷. Сохранение в протоколах вставок прямой речи Жанны д'Арк, с точки зрения исследовательницы, являлось исключительно *техническим* вопросом, связанным с условиями

записи показаний: писцы успевали фиксировать дословно только первые слова обвиняемой (1–2 фразы), а затем передавали ее высказывания косвенно¹⁸. Главное, таким образом, заключалось не в форме записи, а в ее содержании, которое Ф. Мишо-Фрежавиль также считала отражением собственных мыслей обвиняемой¹⁹.

Это вполне логичное заключение лишается, однако, основания, если мы сравним процесс Жанны д’Арк с другими судебными делами того времени: уголовными процессами Парижского парламента и королевской тюрьмы Шатле; ведовскими процессами XV в. или, к примеру, с близким по типу политическим процессом Жилия де Ре. Даже их поверхностный анализ дает возможность понять, что процесс Жанны представляет собой исключение, поскольку такого количества вставок прямой речи нет ни в одном из известных мне дел. Так, в ведовских процессах, проходивших в XV в. во Франции и соседних с нею странах, в форме прямой речи в материалы дел включались лишь слова магических заговоров, предназначенных для вызова дьявола²⁰, перемещения по воздуху на шабаш²¹, а также для наведения порчи и лечения различных болезней²². В процессе же Жилия де Ре подобным образом оказались записаны один диалог обвиняемого с судьей²³, а также его речь, обращенная в момент казни к сообщнику и являющаяся в действительности парафразом пассажа из Евангелия от Луки²⁴. Ф. Мишо-Фрежавиль никак не комментирует это любопытное несоответствие между двумя типологически близкими процессами и, соответственно, не пытается вскрыть причины совершенно особого, как представляется, интереса руанских судей и их писцов к прямой речи Жанны д’Арк.

Гипотеза французской исследовательницы оказывается уязвимой и по другой причине: вставки прямой речи в материалах процесса 1431 г. отнюдь не так однородны, как это может показаться на первый взгляд. Далекое не всегда они представляют собой первые одну–две фразы всего высказывания, большая часть которого записана косвенно. Это может быть также короткий пассаж, вставленный в середину или в конец одного ответа. Это может быть и ответ целиком, состоящий из нескольких более или менее развернутых фраз. Кроме того вставки прямой речи различаются между собой по содержанию, а потому мне представляется оправданным анализировать их по отдельности, разделив по возможности на некие смысловые группы, а не объединив в один массив текста.

* * *

В латинском тексте материалов процесса Жанны д’Арк имеются 188 вставок прямой речи. Однако не все они совпадают с текстом французской “минуты”: 11 ответов обвиняемой из 188 записаны здесь в косвенной форме. Эти высказывания были, вне всякого сомнения,

подвергнуты редакции со стороны судей и писцов²⁵, а потому не будут учитываться при дальнейшем анализе²⁶.

Из 177 вставок, совпадающих в обоих текстах, сразу же выделяется первая смысловая группа высказываний. Это 97 ответов, переданных *полностью* в форме прямой речи, без каких бы то ни было добавлений в косвенной форме. Важное отличительное свойство этих высказываний заключается в том, что все они свидетельствовали о нежелании обвиняемой давать показания. Ее более или менее категоричные *отказы* поддерживать диалог с судьями были сформулированы по-разному, но их смысл от этого не менялся. Жанна могла ответить простым назывным предложением: “Я вам не скажу”, “Это не касается вашего процесса”, “Я ничего не знаю об этом”, “Я не помню”, “Я не знаю, что вам еще сказать”, “Переходите к следующему вопросу”²⁷. Она могла попросить об отсрочке (чтобы затем никогда больше не возвращаться к тому или иному интересующему судей сюжету): “По этому вопросу [голоса] ничего мне не советовали. Дайте мне 15 дней, и я отвечу”, “Вы пока не получите моего ответа”, “Спросите меня через три месяца, тогда я отвечу”²⁸. Она также могла ответить вопросом на вопрос: “Если голоса запрещают мне [отвечать], что вы можете с этим поделать?”, “А я должна вам ответить?”, “Вы будете довольны, если я нарушу клятву, [ответив на вопрос]?”²⁹.

Вторая большая группа – 80 вставок – представляет собой собственно *повествовательные* ответы Жанны. Они также различаются по своей форме: это могут быть отдельные фразы с добавлением косвенной речи или же ответы целиком, более или менее развернутые. Их неоднородность особенно затрудняет анализ, поэтому сначала обратимся к отказам Жанны давать показания.

* * *

Как я уже отмечала, в специальной литературе принято мнение, что прямая речь Жанны д’Арк, оставленная без изменений в тексте протокола, отражает самое значительное из всего, что она говорила в суде. Тем не менее ответить на вопрос, чем важны были для руанских судей фразы “Я не скажу”, “Это вас не касается”, “Это не имеет отношения к процессу”, исходя лишь из их содержания, не представляется возможным.

Речь, видимо, следует вести (и, соответственно, разделять по этому принципу все вставки прямой речи) о *содержании* высказывания и о его *форме*. Ибо отказ отвечать на вопросы, нежелание поддерживать диалог с судьями, ясно и четко проговоренное вслух, имело в средневековом суде важнейшее значение прежде всего как *поступок* обвиняемого, как элемент *процессуального* права. Отсутствие показаний подозреваемого означало здесь невозможность признания его виновным и, соответственно, невозможность вынесения

окончательного приговора³⁰. С этой точки зрения руанские судьи в принципе не должны были упоминать в материалах дела о том, что Жанна д'Арк не отвечала им на многие вопросы, ведь их главной целью было осудить ее и во что бы то ни стало приговорить к смерти³¹. Однако именно потому, что данному процессу придавалось столь большое значение, он обязан был стать образцовым со всех мыслимых точек зрения. В том числе, образцовыми должны были быть документы, оставшиеся после него. Нормой же процессуального права являлась обязательная запись *всех* показаний обвиняемого, что бы он при этом ни говорил³².

Не менее важным оказывался и другой процессуальный момент – возможность применения пыток. При рассмотрении светских уголовных преступлений судьи официально получали такое право после третьего отказа обвиняемого давать показания³³. Однако в церковном суде пытка применялась реже, поскольку на процессах по делам веры против обвиняемых могло свидетельствовать большее число человек, чем на “обычных” светских процессах (например, такие же, как они сами, “еретики”, дети, женщины, в уголовных делах считавшиеся неспособными)³⁴. Но даже если пытка и назначалась, церковь не должна была ни при каких обстоятельствах “проливать кровь” обвиняемого, что было вполне обычным делом на пытках в светских судах³⁵. В полном соответствии с этими нормами, решение о применении пыток в отношении Жанны д'Арк было вынесено на повестку дня практически в самом конце процесса – 12 мая, и отклонено большинством голосов³⁶. Однако, для того чтобы этот вопрос в принципе мог быть поставлен, судьям и потребовалось не просто письменно зафиксировать все отказы обвиняемой давать показания, но сделать это, сохранив их в форме прямой речи, дабы лишний раз подчеркнуть свою верность букве закона.

Таким образом, гипотеза Ф. Мишо-Фрежавиль о “техническом” значении прямой речи, связанном лишь с обстоятельствами фиксации высказываний обвиняемой судебными писцами, в данном случае не срабатывает. Отказы от дачи показаний в деле Жанны д'Арк (как, впрочем, и во многих других средневековых процессах) имели, как мне представляется, более определенный смысл, указывая прежде всего на *образцовость* проведенного в отношении нее следствия с процессуальной точки зрения.

* * *

К отказам отвечать на вопросы судей примыкает, как кажется, еще одна группа “ответов” Жанны. Это пословицы, поговорки и афоризмы, часто также оставленные в тексте протокола в форме прямой речи. Несмотря на то что эти клишированные выражения хорошо известны историкам и давно изучены ими на материале других сред-

невековых текстов, специалисты по *études johanniques* никогда, насколько можно судить, не обращали внимания на эти весьма специфические высказывания французской героини.

Так, анализируя рассказ Жанны о ее встрече с Робером Бодрикуром зимой 1429 г., Ф. Мишо-Фрежавиль обращает особое внимание на то обстоятельство, что капитан Вокулера обращался к девушке на “ты”. На основании фразы “Иди, иди, и будь что будет”³⁷, переданной в протоколе в форме прямой речи, исследовательница делает вывод о том, что Бодрикур, не осознавая, с кем имеет дело, избрал для общения с Жанной покровительственный, уничижительный тон³⁸. Однако то, что выражение “будь что будет” представляет собой *поговорку*, известную во Франции по крайней мере с 70-х годов XIV в.³⁹, делает это заключение не слишком обоснованным именно потому, что отсылает к клишированному, т.е. неизменным формам, не содержащим никакого *личностного* начала.

То же самое можно сказать и о других “собственных” словах Жанны д’Арк, оставленных без изменений в тексте протокола. Например, на вопрос о том, когда она впервые услышала голос св. Михаила, она ответила: “Я говорю вам не о голосе св. Михаила, но о том утешении [которое он мне дает]”⁴⁰. Безобидная на первый взгляд, эта фраза также является перефразированной поговоркой, упоминающейся, в частности, у Жоржа Шатлена: “Если они не знают, какому святому молиться, чтобы он мог их утешить”⁴¹.

На вопрос, в каком году французы победят в войне англичан, Жанна заявила: “Вы сейчас этого не узнаете. Но я хотела бы, чтобы это произошло до дня св. Иоанна”⁴². Данную фразу также можно счесть вполне обстоятельным ответом, если не знать, что выражение “должно произойти до дня св. Иоанна” являлось клишированным⁴³. Это была поговорка, в последнюю очередь способная дать слушателям представление о точном времени какого-либо события.

Точно так же не давала ответа на вопрос, участвовала ли Жанна в сражениях без разрешения Свыше, поговорка “На Бога надейся, а сам не плошай”⁴⁴. Или афористичное высказывание “Если вы хотите, чтобы я рассказала вам все, что я знаю, лучше перережьте мне горло” – в ответ на вопрос, видела ли обвиняемая лица святых, являвшихся к ней⁴⁵. Или еще более образное, но от того не менее туманное заявление “Когда копья сломаны, делают новые” – в ответ на вопрос, часто ли обновлялось ее оружие во время военных действий⁴⁶.

Как мне представляется, приведенные выше примеры, как и многие другие похожие высказывания Жанны, логичнее было бы классифицировать не как ответы на конкретные вопросы, но как более или менее завуалированные отказы давать показания в суде. Ведь на основании подобных высказываний невозможно было сделать вывод о том, что конкретно имела в виду обвиняемая: пословицы и поговор-

ки, использованные ею, предполагали *множество* интерпретаций в рамках некоторого заданного множества значений⁴⁷. Иными словами, Жанна “пряталась” за клишированными выражениями, не раскрывая собственного мнения по тому или иному интересовавшему судей, но, возможно, казавшемуся ей самой опасным вопросу. Она апеллировала к авторитетному мнению, к некоей народной мудрости, которая помогала ей выйти из сложных ситуаций, ответить на поставленный вопрос, не говоря при этом ничего важного. И в некоторых случаях судьи понимали предпринятый ею обходной маневр – неслучайно кое-где в тексте остались их пометки: “как говорится...”, “согласно французской поговорке...”⁴⁸. Это была своеобразная словесная игра, правила которой были хорошо известны ее участникам. А потому поговорки и афоризмы, использованные Жанной д’Арк, также остались в протоколе в виде прямой речи. Они были зафиксированы с той же целью, что и прямые отказы обвиняемой отвечать на вопросы – дать понять будущим читателям этих материалов, что Жанна вела себя на допросе *неподобающим* образом, что она не оказывала помощи следствию, а потому все процессуальные меры, принятые в отношении нее, были справедливыми и не нарушали закон.

* * *

С анализом прочих повествовательных ответов Жанны д’Арк дело, однако, обстоит не так просто.

Некоторые из них, как мне кажется, можно также отнести к процессуальной стороне дела: они были оставлены для того, чтобы показать ход процесса, продемонстрировать *неправильное, неправовое* поведение обвиняемой. Мало того, что она регулярно отказывалась отвечать на вопросы (и судьи могли доказать это, предъявив как французскую “минуту”, так и латинский текст), она еще и *угрожала* суду, чего делать совсем уж не полагалось. Так, на просьбу отвечать правдиво на вопросы Жанна могла заявить: “Если бы вы больше обо мне знали, вы бы обязательно захотели освободить меня”⁴⁹. А вместо ответа на ясно сформулированный вопрос, что сказал ей ее “голос” накануне, епископ Кошон слышал: “Вы говорите, что вы мой судья. Будьте осторожны в ваших поступках, так как я на самом деле послана Господом и вы сильно рискуете”⁵⁰. Очевидно, к *неподобающему*, с точки зрения права, поведению в суде относились и *просьбы* Жанны, адресованные судьям: пожелание исповедоваться, причаститься и быть похороненной на кладбище в случае смерти в тюрьме⁵¹, требование предоставить ей письменный текст допросов⁵² или гонца для отправки материалов ее дела в Рим, к папе⁵³.

Что же касается *содержательных* ответов Жанны д’Арк, то и здесь, на мой взгляд, существовал некий общий принцип, по которому они были оставлены в протоколе в форме прямой речи.

Меньше всего руанских судей, как кажется, занимали подробности биографии их “подопечной”: из всех ответов о жизни, которую вела Жанна до встречи с дофином Карлом в Шиноне, только один – о вызове в суд города Туля в связи с отказом выходить замуж – оказался записан в форме прямой речи⁵⁴. Значительно больше судей интересовали участие Жанны в военных кампаниях⁵⁵ и ее мужской костюм, который она категорически отказывалась снимать⁵⁶. Самое же большое количество прямых ответов касалось предполагаемого общения обвиняемой со святыми (архангелом Михаилом, св. Екатериной и св. Маргаритой): их внешнего вида, частоты их визитов, их отношений с девушкой, “знака”, данного дофину Карлу Свыше о миссии Жанны, и т.д.⁵⁷ К ним примыкали и ответы об отношении к девушке окружающих людей, которые верили в ее избранность и, с ее точки зрения, в своей вере не ошибались⁵⁸.

Нетрудно заметить, что практически все эти вставки прямой речи (за исключением, пожалуй, вопроса о несостоявшейся свадьбе) были посвящены одной и той же теме – действительно, крайне важной для судей – теме Божественной миссии Жанны д’Арк, ее непосредственной связи с Господом, ее избранности для спасения Франции. Оставленные в форме прямой речи высказывания обвиняемой должны были, таким образом, ответить на главный волновавший руанских судей вопрос – святая перед ними или еретичка, заслуживающая кары.

О том же, как представляется, свидетельствовали и ответы, содержание которых не так легко проанализировать, как рассказы о прыжке из окна замка Бореуар, мужской одежде или объятиях и поцелуях со святыми. Речь идет о группе довольно странных, на первый взгляд, высказываний, никогда, впрочем, не привлекавших особого внимания исследователей, для которых эти ответы Жанны всегда стояли в ряду прочих ее показаний и расценивались как отражение *реальных* фактов ее биографии.

Классическим примером такой истории являлось описание встречи Жанны д’Арк с ангелом, которое она дала в ответ на многочисленные вопросы о “знаке”, предъявленном ею дофину Карлу: “Я постоянно молилась, чтобы Господь послал королю знак, и была в своей комнате, в доме доброй женщины, недалеко от Шинонского замка, когда появился ангел. А затем мы вместе отправились к королю. Ангел же явился в сопровождении других ангелов, которых свидетели не все”⁵⁹.

Представить, что подобная встреча состоялась в действительности, довольно затруднительно, а потому большинство исследователей предпочитают не учитывать этот рассказ, повествуя о пребывании Жанны д’Арк в Шиноне⁶⁰. Проблема, однако, заключается в том, что данный ответ и не должен был отражать *истори-*

ческую действительность. Явление ангела королю как один из основных сюжетов французской политической теологии мог быть хорошо знаком Жанне, прежде всего по иконографическим свидетельствам. К этим последним относились и помазание Христа, и коронование Давида, и коронование Марии или св. Елизаветы, не считая собственно мотива принесения короны (а именно короной оказывался в результате “знак”, явленный ангелом дофину Карлу) французским королям⁶¹. Все эти сюжеты (или хотя бы некоторые из них) Жанна могла видеть либо в книгах (часословах или библиях), либо в церквах и соборах и, соответственно, обобщить имевшуюся у нее информацию для того, чтобы после многочисленных отказов все же поведать судьям о своем “знаке” и о том, что явление ангела стало главным доказательством легитимности прав Карла на французский престол⁶². Речь, таким образом, шла вовсе не о конкретном эпизоде из прошлого французской героини, а о *символической* реальности, оказывавшейся во многих случаях значительно важнее исторической.

Подобные ответы (как и соответствующие им вопросы) были, очевидно, нацелены вовсе не на выяснение подлинных обстоятельств жизни Жанны д’Арк, ее политической и военной карьеры. Судей, скорее, интересовали уровень ее культуры, ее христианского воспитания, особенности ее мировосприятия. Задавая свои весьма специфические вопросы, они хотели знать не о том, что *было*, а о том, насколько *правильными*, с точки зрения христианской экзегезы, будут высказывания обвиняемой. И многие из этих ответов на самом деле свидетельствовали о благочестии Жанны, о ее знакомстве с основными идеями и мифами христианского учения и средневековой политической теологии.

Так, например, ее ответ на вопрос, достигла ли она благодати, оказывался при ближайшем рассмотрении буквальным воспроизведением проповеди, известной, по крайней мере, по трем кодексам XV в.: “Мы молимся за тех, кто достиг благодати, дабы Господь поддержал их [в этом состоянии], а также за тех, кто пребывает во грехе, дабы Господь побыстрее избавил их от него”⁶³. Жанна же выразила эту мысль так: “Если я не достигла благодати, Господь поможет мне ее достичь, а если уже [достигла], Господь поддержит меня”⁶⁴.

Точно так же рассказ о ниспослании знамени, на котором были изображены Вседержатель и два его архангела, сопровождался уточнением, якобы данным Жанне св. Екатериной и св. Маргаритой: “Возьми знамя, [посланное] тебе Господом”⁶⁵. Тема знамени Христа – знамени победителя – была одним из самых распространенных в Средние века иконографических сюжетов. Очевидно, именно его имел в виду Жан Жерсон, чей в высшей степени положительный от-

зв на свое появление, написанный сразу после победы французских войск под Орлеаном в мае 1429 г., Жанна вполне могла знать⁶⁶.

Однако особый интерес среди содержательных ответов Жанны, с точки зрения ее знакомства с христианской экзегезой, представляет регулярно повторявшаяся на протяжении всех допросов фраза “Уповаю на Господа”⁶⁷. Часто это было единственное, что обвиняемая говорила по тому или иному поводу – всего в форме прямой речи в протоколе сохранилось 20 таких высказываний. Все эти ответы были даны на вопросы, также касавшиеся отношений обвиняемой с Божественным. Судьи спрашивали Жанну и о том, как говорили с ней ее “голоса”, если у них не было тела⁶⁸; и о том, может ли она совершить смертный грех⁶⁹; и о том, являлись ли бы к ней святые, если бы она вышла замуж⁷⁰; и о том, поступила ли она правильно, облачившись в мужской костюм⁷¹; и о том, что она думает о своих откровениях⁷².

На первый взгляд, фраза “Уповаю на Господа” являлась еще одним способом уйти от дачи показаний. И в какой-то степени, вероятно, это так и было: слишком сложные вопросы задавались Жанне, чтобы пытаться ответить на них самостоятельно – и она “пряталась” за удобной формулировкой, в который раз отсылая своих судей к более авторитетному мнению. И все же на этот раз речь шла не о народной мудрости, воплотившейся в пословицах и поговорках, но о прямом заимствовании из *библейского текста* – из Книги Исаии, достаточно хорошо известной в Средние века: “Вот, Бог – спасение мое: уповаю на Него, и не боюсь; ибо Господь – сила моя, и пение мое – Господь; и Он был мне во спасение”⁷³. Думается, что Жанна могла часто слышать это высказывание – либо собственно в церкви, либо в качестве поговорки или присказки – во всяком случае, в виде готового клишированного выражения⁷⁴. Однако при всей своей благонадежности и авторитетности именно это выражение, как мне кажется, сыграло с ней злую шутку в самый ответственный момент процесса.

Хорошо известно, что вторая часть допросов Жанны д’Арк (начиная с 10 марта 1431 г.) носила закрытый характер и велась в тюрьме, а не в зале заседаний. На этом этапе особое внимание было уделено вопросам ереси, и в частности отношению обвиняемой к церкви⁷⁵. В рамках этой дискуссии фраза “Уповаю на Господа” обернулась против самой обвиняемой, ибо, согласно средневековой теологии, уповать она должна была не на Бога и его святых (т.е. на *торжествующую церковь*), но прежде всего на своих судей – т.е. на представителей *воинствующей* церкви, которой обязана была подчиняться в своих делах и помыслах. В самом конце процесса, уяснив себе, наконец, фундаментальную для христианской экзегезы разницу между этими двумя понятиями, Жанна, что весьма показательно,

попыталась исправить допущенную ею по незнанию ошибку, поменяв формулировку своего любимого высказывания на “Уповаю на Господа и папу”⁷⁶. Но сделала она это слишком поздно: обвинение в неподчинении воинствующей церкви было уже сформулировано и стало в результате одним из основных в окончательном приговоре⁷⁷. Причем, как мне представляется, оно возникло отнюдь не на пустом месте, как последняя надежда судей осудить их пленницу: фраза “Уповаю на Господа” сама по себе могла подвести их к соответствующим выводам и вопросам⁷⁸.

Данное обстоятельство, на мой взгляд, лишний раз подтверждает, что допросы Жанны д’Арк в Руане строились не по *биографическому* принципу, но были направлены прежде всего на оценку ее мировоззрения, христианских верований, знаний догматов церкви. Явные или скрытые цитаты из библейских текстов и патристики в ответах обвиняемой указывают, что она хорошо это понимала, а в некоторых случаях оказывалась способна поддерживать разговор на заданную тему.

* * *

Остается, однако, вопрос *авторства*, особенно актуальный в отношении рассмотренных выше цитат и заимствований из Библии и патристики. На вопрос, были ли слова, оставленные в протоколе в форме прямой речи, собственными словами Жанны д’Арк, я склонна ответить положительно.

Во-первых, все проанализированные выше высказывания, как я уже упоминала, имеются и в тексте французской “минуты”. И хотя она также представляет собой *вторичную* запись, а не стенограмму заседаний в современном смысле этого слова, подобное совпадение нельзя сбрасывать со счетов.

Во-вторых, ни о какой особой образованности французской героини, о ее возможном знакомстве с трудами Отцов Церкви или иными письменными источниками, что, безусловно, могло бы вызвать наши сомнения, эти “цитаты” не говорят⁷⁹. Все заимствованные и истолкованные ею на свой манер пассажи были на слуху задолго до появления Жанны д’Арк на свет. Они также были и на виду – в качестве миниатюр в часословах и псалтирях, фресок и икон в церквях, барельефов на соборах. Таким образом, все “библейские” высказывания Жанны отсылали к хорошо знакомым людям Средневековья темам, которые она лишь воспроизводила – пусть даже с определенным изяществом и сноровкой.

Наконец, в-третьих, в тексте протокола легко заметить вставки, выдуманные самими судьями и не имеющие к Жанне и к ее словам никакого отношения. Так, в одну из статей предварительного обвинения прокурор трибунала д’Эстиве, действуя при этом в полном соответ-

вии со схемой эпического романа, вставил целый вымышленный диалог обвиняемой с Робером Бодрикурмом о трех сыновьях, которые якобы родятся у Жанны: «Также Жанна, имея доверительные отношения с этим Робером, сказала ему, что... у нее будет трое сыновей, из которых один станет папой, второй – императором, а третий – королем. На что капитан ей ответил: “Я бы очень хотел сделать тебе одного из них, поскольку это будут люди, наделенные такой властью, что и мой авторитет вырастет”. Она же ему сказала: “Нет-нет, славный Робер, время еще не настало. Об этом позаботится Святой Дух”»⁸⁰.

Когда статьи обвинения были зачитаны Жанне, она отказалась признать эти слова своими⁸¹. Тем не менее она ни разу не возразила, когда д’Эстиве повторял в своем списке то, что она действительно, надо полагать, говорила на предварительных допросах. Так, прокурор трибунала упомянул и об утешении, которое якобы приносит обвиняемой св. Михаил⁸²; и о поговорке “Будь, что будет”, якобы использованной в разговоре Бодрикурмом⁸³; и о празднике св. Иоанна⁸⁴; и о знамени Господа⁸⁵; и некоторые другие высказывания Жанны д’Арк. Не забыл д’Эстиве и фразу “Уповаю на Господа” – он воспроизвел ее 5 раз⁸⁶.

Думается все же, это были собственные слова Жанны д’Арк, отавленные в форме прямой речи в латинском тексте протокола, который после окончания процесса получили все заинтересованные люди. Этому официальному документу была уготована важная роль: он должен был свидетельствовать, что столь важный, с политической точки зрения, процесс прошел в соответствии со всеми нормами процессуального права и был абсолютно образцовым. Именно для этого в тексте были оставлены прямые и завуалированные отказы обвиняемой отвечать суду, ее угрозы и просьбы, не соответствующие нормам судопроизводства. Кроме того официальный текст допросов должен был подтверждать, что преступления, в которых обвинялась Жанна, прежде всего впадение в ересь и неподчинение воинствующей церкви, она совершила на самом деле. Для этого в тексте были оставлены и тщательно зафиксированы ответы, содержавшие информацию о ее знании христианских догм.

Что же касается самой Жанны д’Арк и ее поведения в зале суда, то здесь, как мне представляется, речь следует вести не об особой смелости, проявленной обвиняемой в суде, и не о вызове, якобы брошенном ею противникам. Ее ответы свидетельствовали, скорее, о весьма осторожной, максимально *отстраненной* манере высказывать суждения. Не чувствуя себя уверенно, Жанна попыталась скрыть собственное мнение по основным интересовавшим следствие сюжетам, уйти от прямого диалога с судьями, создав при этом впечатление, что она все же отвечает на их бесконечные вопросы...

- ¹ Об оппозиции устной-письменной речи см. прежде всего: *Гаспаров Б.М.* Устная речь как семиотический объект // <http://www.ruthenia.ru/folklore/gasparov1.htm>.
- ² Подробнее о теории “неполной дискурсивности” М. Фуко: *Подорога В.* Феноменология тела. М., 1995. С. 21–23.
- ³ *Барт Р.* Доминиси, или Торжество литературы // Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 96.
- ⁴ *Bataille G.* Procès de Gilles de Rais. P., 1972. P. 24.
- ⁵ *Reinach S.* Gilles de Rais // Reinach S. Cultes, mythes et religions. P., 1996 (1er éd.: P., 1912). P. 1026–1049.
- ⁶ *Гинзбург К.* Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000. С. 40.
- ⁷ “Но, к сожалению, историк не может вступить в непосредственный диалог с крестьянином, жившим в XVI веке... Поэтому он должен опираться прежде всего на письменные источники... которые не являются прямыми источниками сразу в двух смыслах: потому что они *письменные* и потому что их происхождение связано с деятельностью лиц, прямо или косвенно причастных к доминирующей культуре. Отсюда следует, что мысли, верования, чувства живших в далеком прошлом крестьян или городских ремесленников доходят до нас (если доходят) только через посредников – в их искаженном изложении” (Там же. С. 33).
- ⁸ Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris (1319–1350) / Ed. par M. Langlois et Y. Lanhers. P., 1971; Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier. P., 1861, 1864. Vol. 1–2. Подробнее о принципах и целях составления этих выборок см.: *Тогоева О.И.* “Истинная правда”. Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 5–9, 93–121.
- ⁹ Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. 3.1.18. Aug. fol – Procès criminel fait à Robert d’Artois, 1329–1335. T. 1; 3.1.19. Aug. fol – Procès criminel fait à Robert d’Artois, 1329–1335. T. 2.
- ¹⁰ Материалы церковного процесса опубликованы: *Bossard E., abbé.* Gilles de Rais, Maréchal de France, dit Barbe-Bleue, 1404–1440. Grenoble, 1992 (1 éd.: P., 1885). Французский перевод материалов церковного и светского процессов: *Bataille G.* Op. cit.
- ¹¹ Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. 3.1.291. Aug. fol – Procès criminel fait à Jacques Cœur, 1451–1463.
- ¹² Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. 3.1.273. Aug. fol – Procès criminel fait à Jean d’Alançon, 1456–1474; 3.1.183. Aug. fol – Procès criminel fait à René d’Alançon, 1482.
- ¹³ Procès de condamnation de Jeanne d’Arc / Ed. par P. Tisset, Y. Lanhers. P., 1960–1971. Vol. 1–3 (далее везде: PC, том, страница).
- ¹⁴ La Minute française des interrogatoires de Jeanne la Pucelle / Ed. par P. Doncoeur. Melun, 1952 (далее везде: MF, страница).
- ¹⁵ “Классическим” примером такого подхода к показаниям Жанны д’Арк в суде является: *Pernoud R.* Jeanne d’Arc par elle-même et par ses témoins. P., 1962.
- ¹⁶ См., к примеру: *Doncoeur P.* Introduction // Minute française. P. 24; *Michaud-Fréjaville F.* Introduction // Chronique de la Pucelle attribuée à Guillaume Cousinot, réimpression de l’édition de Vallet de Viriville. Caen, 1992. P. 14–15; *Hanawalt B.A., Noakes S.* Trial Transcript, Romance, Propaganda: Joan of Arc and the French Body Politic // Modern Language Quarterly. 1996. Vol. 57, N 4. P. 605–631, здесь P. 615–616. Мне известно единственное исследование, в котором очень осто-

- рожно, но все же высказываются сомнения в том, что показания Жанны в суде отражали ее собственные мысли: *Wood Ch.T. Joan of Arc and Richard III: Sex, Saints, and Government in the Middle Ages. N.Y., 1988. P. 149.*
- 17 *Michaud-Fréjaville F.* “Va, va fille de Dieu”. De l’usage du “tu” et du “vous” dans les sources concernant Jeanne d’Arc (1430–1456) // *Bulletin de l’Association des amis du Centre Jeanne d’Arc. 1995. N 19. P. 25–45.* Статья была переиздана без каких бы то ни было изменений в: *Cahiers de Recherches Médiévales. 2005. N 12 spécial: Une ville, une destinée: Recherches sur Orléans et Jeanne d’Arc. En l’honneur de Françoise Michaud-Fréjaville. P. 157–169* (сноски даются по этому изданию).
- 18 *Ibid. P. 160–162.*
- 19 *Ibid. P. 166.*
- 20 В “Уголовном регистре Шатле” в деле Марго де ла Барр за 1390 г. приводятся некоторые из них: “Ennemi, je te conjure, ou nom du Pere, du Fil et du Saint Esperit, que tu viengnes a moy usc”, “Ou nom du Pere, et du Fil, et du Saint-Esperit, deables, viens usc” (*Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 1. P. 355, 356*).
- 21 На процессе 1484 г. в Женеве обвиняемый в колдовстве Антуан де Вернекс признался, в частности, что попадал на шабаш, произнося магическую формулу “Vaz, de part de diable, vaz” (*Maier E. Trente ans avec le diable. Une nouvelle chasse aux sorciers sur la Riviera lémanique (1477–1484). Lausanne, 1996. P. 89*).
- 22 *Paravy P.* Prière d’une sorcière du Grésivaudan pour conjurer la tempête (procès d’Avalon, 1459) // *Le monde alpin et rhodanien. 1982. T. 10. P. 67–71* (с публикацией текста молитвы-заговора, ставшего известным из показаний самой обвиняемой и свидетелей).
- 23 *Bataille G.* *Op. cit.* P. 239.
- 24 *Ibid. P. 240–241.* Анализ этого пассажа см.: *Тогоева О.И.* “Истинная правда”. С. 205–206.
- 25 Так, например, заявление Жанны о том, что она действительно хотела сбежать из тюрьмы и что таково законное право любого заключенного, во французской “минуте” записано косвенно: “A quoy ladicte Jhenne respondit qu’il estoit vray que autrefoys elle avoit bien voullu eschapper de la prison, ainsy qu’il est licite a chascun prisonnier” (MF, 87). Однако в латинском тексте появляется прямая речь: “Ad quod respondit, dicens: Verum est quod alias volui et vellum, prout licitum est cuicumque incarcerato seu prisionario, evadere” (PC, I, 42). Таким образом, ответ не только меняет форму, но в его записи появляется аллитерация – стилистический прием, несвойственный устному высказыванию: “volui et vellum” – “хотела и хотела бы”; “incaerato seu prisionario” – “заключенный или пленник”.
- 26 Кроме того я не буду рассматривать случаи, когда прямая речь, зафиксированная в “минуте”, была передана в латинском тексте в косвенной форме, а также ответы Жанны, сохранившиеся в “минуте”, но по каким-то причинам не вошедшие в окончательный вариант протокола.
- 27 “Ego non dicam hoc vobis” (PC, I, 52, 59 = MF, 97), “Hoc non est de processu vestro” (PC, I, 70, 85, 92 = MF, 109, 126, 133), “Ego nihil scio de hoc” (PC, I, 84, 85, 87 = MF, 124, 131), “Ego non recordor” (PC, I, 93, 94 = MF, 135), “Ego nescirem vobis aliud quid dicere” (PC, I, 330 = MF, 235), “Transeatis ultra” (PC, I, 52, 53, 57 = MF, 97, 99).
- 28 “Ego non sum consulta de hoc. Detis michi dilacionem XV dierum et ego de hoc vobis respondebo” (PC, I, 60), “Vos non hoc habebitis adhuc” (PC, I, 62 = MF, 105), “Loquamini mecum infra tres menses; ego de hoc respondebo vobis” (PC, I, 86 = MF, 126).

- 29 “Si vox prohibuerit michi, quid inde vultis vos dicere?” (PC, I, 60), “Ego vobis habeo hoc dicere?” (PC, I, 61 = MF, 103), “Essetis vos contenti quod ego incurrerem parium?” (PC, I, 133 = MF, 163).
- 30 *Langbein J.H.* Torture and the Law of Proof. Chicago; L., 1977. P. 4, 15–16; *Carbasse J.-M.* Introduction historique au droit pénal. P., 1990. P. 137–143. То же условие существовало и для инквизиционных судов: *Schnapper B.* Les peines arbitraires du XIIIe au XVIIIe siècle. P., 1974. P. 40.
- 31 Подробнее об этом см.: *Тогоева О.И.* Ересь или колдовство? Демонология XV в. на процессе Жанны д’Арк // Средние века. М., 2008. Вып. 68.
- 32 Подробнее о связи, возникающей в средневековом суде между обязательным признанием обвиняемого и максимально полной записью его показаний, см.: *Тогоева О.И.* “Истинная правда”. С. 17–20.
- 33 Наиболее полно правила средневековой пытки изложены в: *Fiorelli P.* Tortura giudiziaria nel diritto comune. Milano, 1954. Т. 1. P. 122–209, 243–248, 276–326; Т. 2. P. 60–62, 117–124, 143–154; *Langbein J.H.* Op. cit. P. 112–116; На русском языке см.: *Тогоева О.И.* Правила “справедливой” пытки в уголовном суде Франции XIV в. // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1998. № 3. С. 104–117.
- 34 *Ullmann W.* Historical Introduction to H.C. Lea. The Inquisition of the Middle Ages // *Ullmann W.* Law and Jurisdiction in the Middle Ages. L., 1988. XVI. P. 32–33, 44–45.
- 35 О требовании использовать “мягкие” пытки в церковном и светском судах: *Carbasse J.-M.* Op. cit. P. 143; *Ullmann W.* Op. cit. P. 32, 45; *Gauvard C.* “De grace especial”. Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age. P., 1991. P. 37–38, 158–159.
- 36 На заседании, специально посвященном вопросу о применении к Жанне пыток, “за” высказались 3 человека, “против” – 11 (PC, I, 350–352).
- 37 “Dixitque idem Robertus ipsi Iohanne: Vade, – dum recederet ab eo, – vade, et quod inde poterit venire, veniat” (PC, I, 50 = MF, 95).
- 38 *Michaud-Fréjaville F.* “Va, va fille de Dieu”. P. 166.
- 39 *Hassell J.W.Jr.* Middle French Proverbs, Sentences, and Proverbial Phrases. Toronto, 1982. A35: Advienne que pourra.
- 40 “Ego non nomino vobis vocem de sancto Michaele, sed loquor de magna confortacione” (PC, I, 73 = MF, 113).
- 41 *Hassell J.W.Jr.* Op. cit. S 13: Sy ne se savoient à quel saint vouer qui reconforter les pust.
- 42 “Vos non habebitis adhuc; bene tamen vellem quod hoc esset ante festum beati Iohannis” (PC, I, 83 = MF, 124).
- 43 *Hassell J.W.Jr.* Op. cit. S 92: A la saint Jehan nouveaux sifflets. См. также: “A la saint Jehan / Renouvelle l’an” (*Le Roux de Lincy.* Livre des proverbes français précédé de recherches historiques sur les proverbes français et leur emploi dans la littérature du Moyen Age et de la Renaissance. P., 1859. Т. 1. P. 123, поговорка XV в.).
- 44 “Pro sciendo si Deus esset contentus, allegans illud proverbium in gallico vulgatum: Aide toy, Dieu te aidera” (PC, I, 156 = MF, 181). *Hassell J.W.Jr.* Op. cit. A 46: Aidevous, Dieu vous aidera.
- 45 “Et de dicendo totum illud quod scio, ego prediligerem quod michi faceretis abscondi collum” (PC, I, 91 = MF, 133).
- 46 “Ego nescio. Quando lancee erant rupte, fiebant novi” (PC, I, 96 = MF, 137).
- 47 См. об этом, к примеру: *Пермяков Г.Л.* Кое-что о пословицах и поговорках, а также об этой книжке // 300 общеупотребительных пословиц и поговорок (для говорящих на немецком языке). М., 1985; *Он же.* Классификация пословичных изречений // *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.,

1988; Жигарина Е.Е. Функциональный характер и вариативность пословиц в современном бытовании // <http://www.ruthenia.ru/folklore/zhigarina1.htm> (со списком литературы).

⁴⁸ См. примеч. 44.

⁴⁹ “Si vos essetis bene informati de me, vos deberetis velle quod essem extra manus vestras” (PC, I, 46 = MF, 91).

⁵⁰ “Vos dicitis quod estis iudex meus; advertatis de hoc quod facitis, quia, in veritate, ego sum missa ex parte Dei, et ponitis vos ipsum in magno periculo” (PC, I, 59 = MF, 103).

⁵¹ PC, I, 329 = MF, 235.

⁵² PC, I, 147 = MF, 173.

⁵³ PC, I, 343 = MF, 241.

⁵⁴ PC, I, 123 = MF, 157.

⁵⁵ PC, I, 77, 93, 97, 127, 142, 151, 153, 166 = MF, 135, 137, 161, 171, 177, 179, 191.

⁵⁶ PC, I, 67, 93, 128, 153, 154, 156, 157, 168, 181, 344 = MF, 109, 135, 161, 179, 183, 193, 241.

⁵⁷ PC, I, 60, 61, 70, 74–76, 84, 117, 136, 160, 331 = MF, 103, 111, 114–116, 153, 155, 165, 185, 235.

⁵⁸ PC, I, 98, 99 = MF, 139, 141.

⁵⁹ “Ego eram quasi semper in oracione ut Deus micteret signum ipsius regis, et eram in hospicio meo, in domo unius bone mulieris prope castrum de Chinon, quando ipse angelus venit; et postea ipse et ego simul ivimus ad regem; eratque idem angelus bene associatus aliis angelis cum eo existentibus, quos non quilibet videbat” (PC, I, 137 = MF, 167).

⁶⁰ Краткий обзор существующих на сегодняшний день исследований, специально посвященных “свиданию в Шиноне”, см.: Райцес В.И. “Свидание в Шиноне”. Опыт реконструкции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. М., 2003. Вып. 5. С. 42–59; Тогоева О.И. В плену у “исторической действительности” // Там же. С. 60–72. Исключения представляют работы, авторы которых либо искренне верят в то, что ангел действительно являлся Жанне и Карлу (*Pinoteau H.* La symbolique royale française, Ve–XVIIIe siècles. La Roche-Rigault, 2003. P. 282–287), либо полагают, что Жанна могла описывать как ангела себя саму (*Sullivan K.* The Interrogation of Joan of Arc. Minneapolis-London, 1999. P. 71–81).

⁶¹ Подробнее об эпизоде с принесением короны см.: Тогоева О.И. Король и ангел. К вопросу о легитимации власти // Русская Антропологическая Школа. 2008. Вып. 5 (в печати).

⁶² “Item dicit quod illud signum fuit quod angelus certificabat hoc regi suo, sibi apportando coronam et ei dicendo quod ipse haberet totum regnum Francie ex integro, mediante auxilio Dei et mediante labore ipsius Iohanne” (PC, I, 133–134).

⁶³ “Nous prierons pour ceulx qui sont en estat de grace, que Dieu les y tiegne jusques à la fin et ceulx qui sont en peché mortel que Dieu les en vueille gecter hastivement” (PC, II, 63, note 1). На это заимствование – единственный из всех исследователей – обратил внимание издатель материалов процесса Жанны д’Арк, Пьер Тиссе.

⁶⁴ “Si ego non sim, Deus ponat me; et si ego sim, Deus me teneat in illa” (PC, I, 62 = MF, 105).

⁶⁵ “Capias vexillum ex parte Regis celi” (PC, I, 173 = MF, 197).

⁶⁶ “Lex hujusmodi nec ut judicialis, nec in moralis, damnat usum vestris virilis et militaris in Puella nostra, virili et militari, quam ex certis signis elegit Rex celestis, tanquam vexilliferam ad conterendos hostes justitie et amicos sublevandos” (Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d’Arc / Ed. par P. Duparc. P., 1979. T. 2. P. 39).

- ⁶⁷ Например: “Ego me refero ad Deum” (PC, I, 84 = MF, 124); “Ego me refero ad Deum et non ad alium” (PC, I, 146 = MF, 172); “Ego bene credo Ecclesiam exsistentem hic inferius; sed de meis factis et dictis, sicut alias ego dixi, ego me expecto et refero ad Dominum Deum” (PC, I, 342 = MF, 239).
- ⁶⁸ “Interrogata qualiter loquebantur, cum non haberent membra” (PC, I, 84 = MF, 124).
- ⁶⁹ “Interrogata si, post istam revelacionem, ipsa credit quod ipsa non possit peccare mortaliter” (PC, I, 149 = MF, 175).
- ⁷⁰ “Interrogata utrum credit quod, si ipsa esset coniugata, voces ille venirent ad eam” (PC, I, 175 = MF, 197).
- ⁷¹ “Interrogata an credat se bene facere, capiendo habitum virilem” (PC, I, 344 = MF, 241).
- ⁷² “Item circa ea que sibi dicebantur de revelacionibus, etc., iuxta tenorem quinti articuli memorialis antedicti” (PC, I, 345 = MF, 243).
- ⁷³ Ис. 12: 2.
- ⁷⁴ Ср. поговорку, которую в 1403 г. в одном из своих сочинений использовал Жан Жерсон: “Se tu t’atans a Dieu, Dieu gastera tout” – “Если ты положишься на Господа, Он все преодолет” (*Hassell J.W.Jr.* Op. cit. D 99).
- ⁷⁵ Подробнее см.: Тогоева О.И. Ересь или колдовство?
- ⁷⁶ “Quantum est de submissione Ecclesie, ego respondi eis de isto puncto: de omnibus operibus que ego dixi et feci, ipsa transmictantur ad Romam, penes dominum nostrum Summum Pontificem, ad quem et ad Deum primo ego me refero” (PC, I, 387); “Ego refero me Deo et domino nostro Pape” (Ibid.). Любопытно, что в “Посмертных сведениях”, составленных и распространенных епископом Кошоном уже после казни Жанны д’Арк, оказались процитированы якобы собственные слова обвиняемой, отрекшейся от всех своих предыдущих показаний и отныне уповающей исключительно на “мать свою, Церковь” и “на вас, людей Церкви”: “Je ne sçay; je m’en actens a ma mere l’Eglise, vel sic: ou a entre vous, qui estes gens d’Eglise” (PC, I, 420).
- ⁷⁷ В списке из 12 статей обвинений, выдвинутых в конце концов против Жанны д’Арк, последним шло: “Neque de hiis se vult referre ad determinacionem Ecclesie militantis aut quemcumque hominem mundi, sed ad solum Deum Dominum nostrum, cuius precepta semper faciet, precipue quoad materiam revelacionum et eorum que dicit se fecisse per revelaciones” (PC, I, 296).
- ⁷⁸ Противоположную точку зрения высказывал, к примеру, В.И. Райцес: *Райцес В.И.* Процесс Жанны д’Арк. М.; Л., 1964. Гл. 4: Суд церкви.
- ⁷⁹ О неграмотности Жанны см., к примеру: *Delaruelle E.* La spiritualité de Jeanne d’Arc // *Delaruelle E.* La piété populaire au Moyen Age. Turin, 1975. P. 355–388, здесь P. 361–362; *Beaune C.* Prophétie et propagande: le sacre de Charles VII // *Idéologie et propagande en France: Colloque organisé par l’Institut d’histoire et civilisation françaises de l’Université de Haifa / Sous la dir. de M. Yardeni.* P., 1987. P. 63–73, здесь P. 64. Противоположную точку зрения см.: *Крылов П.В.* “Mulier illiterata”: Об уровне культуры средневековой женщины из народа // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001. № 2. С. 81–103.
- ⁸⁰ “Ten dicta Iohanna, habita familiaritate dicti Roberti, iactando se, eidem dixit quod... ipsa habitura erat tres filios quorum primus esset papa, secundus imperator et tercius rex. Qui quidem capitaneus hoc audiens dixit: Ergo ego vellem tibi facere unum, ex quo erunt viri tante auctoritatis ut ex inde melius valerem. Cui ipsa respondit: Gentil Robert, nennil, nennil, il n’est pas temps; le Saint Esperit y ouvrera” (PC, I, 204). Любопытно, что придуманные за Жанну слова в латинском тексте оказались записаны по-французски, как и в случае с подчинением воинствующей церкви

(см. примеч. 76). Возможно, сделано это было для придания им большего правдоподобия.

⁸¹ “Ad hunc articulum, respondet Iohanna quod se refert ad ea que super hoc alias respondit. Et dixit quod de hoc, videlicet de tribus pueris habentis, de hoc non se iactavit” (PC, I, 204).

⁸² PC, I, 203.

⁸³ PC, I, 206.

⁸⁴ PC, I, 231.

⁸⁵ PC, I, 270.

⁸⁶ PC, I, 234, 245, 248, 278, 280. Все эти статьи, как и вопросы на предварительном следствии, были посвящены проблеме избранности Жанны, ее общению с высшими силами.